

XV 132
28

10-2 I

В**ОПРОСЫ** **СТЕНОГРАФИИ**

№ 1
Январь — Март

Содержание:

- От Редакции.**
- С. Юдина.**—Работа стенографов в Советской России.
- П. Р. Бурлаков.**—Проблемы новой стенографии.
- В. Правдолюбов.**—К вопросу об экспериментально - психологическом исследовании стенографов.
- А. Юрковский.**—Что нужно для того, чтобы быть хорошим парламентским стенографом.
- С. Я. Рождественский** — Физиографический метод письма.
- Д-р А. Н. Ришар.** — Эволюция фонографии.
- Нар. ком. по ин. дел Г. Чичерин.**—Приветствие журналу „Вопросы Стенографии“.
- Хроника.**

МОСКВА

ЦЕНА
75
коп. зол.

1923 г.

ВОПРОСЫ СТЕНОГРАФИИ

О Р Г А Н

Стенографической Секции Могуботдела Всепрофсоюза Соработников

Год изд. I-й

Январь — Март 1923 г.

№ 1

ОТ РЕДАКЦИИ.

„Стенография должна быть достоянием
каждого образованного человека“.

Франц Ксаверий Габельсбергер.

Теперь —

в великие дни, когда мировые континенты сотрясает Социальная Революция и человечество готовится к „прыжку из царства необходимости в царство свободы“,

в наши дни перелетов через океаны и радио-волн, обволакивающих Земной Глобус,

в дни, когда вслед за научной организацией труда ставится на повестку дня человечества научная организация всей жизни и деятельности человека, в том числе и его деятельности умственной,

теперь,

перед одним из методов экономии энергии и времени человека в его умственной работе,

перед лучшим способом мгновенного запечатления живой речи и мысли,

перед СТЕНОГРАФИЕЙ — крылатым письмом, аэропланописью — верзаются широчайшие возможности.

Если в грядущих веках человечество будет писать, то оно будет писать стенографически.

Мы — стенографы — пионеры письма будущего.

„Вопросы стенографии“ — наш единственный в России научный профессиональный орган — призывает всех русских стенографов под знамя, которм древний символ стенографии — окрыленное перо!

* * *

Выпускаем первый номер журнала „Вопросы Стенографии“. Его — служить делу развития теории и практики стенографии, ее усовершенствованию и популяризации. Не отдавая преимущества ни одной из существующих стенографических систем, „Вопросы Стенографии“ будут открывать страницы представителям различных направлений стенографической науки.

Нашей первой задачей является учет русских стенографических сил и подведение итога работе последних лет, проделанной в области стенографии не только в Москве, но и в провинции как профессиональными объединениями, так и отдельными лицами.

Мы надеемся, что на страницах нашего журнала найдут себе отражение все искания стенографов-теоретиков, все проблемы и вопросы, выдвигаемые жизнью в области стенографического образования, применения стенографии на практике и исследования стентруда. Мы хотели бы видеть в журнале имена всех тех, кто любит стенографию, интересуется ею и желает работать над ее дальнейшим развитием. Мы призываем всех товарищей по профессии воспользоваться нашим органом для того, чтобы обменяться теми мыслями, которые у всех нас накопились за последние годы, когда мы не имели своего печатного органа.

После предварительного знакомства посредством журнала мы поставим вопрос о всероссийском объединении, о созыве первого всероссийского съезда стенографов, где встретимся уже лично. Без всероссийского объединения стенографов наша русская стенография широко прогрессировать не сможет. Теперь мы работаем разрозненно, каждый из нас знает только о жизни и работе стенографов в своем городе и лишь случайно и отрывочно о том, что делается в других городах, и благодаря этому подчас проделываем параллельную работу, открываем давно открытые Америки.

Мы уже не говорим о том, что у нас совершенно не существует связи с заграничным стенографическим миром и с достижениями зарубежной стенографической мысли. А между тем по отрывочным сведениям мы знаем, что там работа идет, ежегодно происходят местные и международные конгрессы стенографов. Потому нашей следующей очередной задачей является установление связи с границей.

Осуществление всех этих задач возможно только при помощи печатного органа. Редакция журнала „Вопросы Стенографии“ обращается поэтому с горячим призывом ко всем стенографам—теоретикам, практикам, педагогам и всем обучающимся стенографии—нашим будущим товарищам по профессии—поддержать свой журнал морально и материально. Присылайте статьи, корреспонденции, письма, организуйте подписку на журнал, содействуйте его распространению. Все поступающие с мест запросы найдут себе в журнале самый живой отклик.

В единении—сила, товарищи!

Работа стенографов в Советской России.

До революции сотни стенографов оканчивали ежегодно курсы стенографии на 60—80 слов в минуту и поступали на службу в торговые конторы, где стенографировали под диктовку торговые письма, заявления, прошения и т. д., и только небольшой кадр стенографов высшей квалификации, умеющих записывать живую речь, работали в редакциях больших газет, на лекциях в высших учебных заведениях, в городских думах, судах, на сессиях земских собраний и прочих съездах и совещаниях, происходивших в больших городах, а с 1906 г. в Государственной Думе и Государственном Совете.

Наступление мировой войны вызвало подъем общественной жизни России, а в связи с этим увеличился спрос на стенографов, со стороны Городского и Земского Союзов, военно-промышленных комитетов, продовольственных и т. д., часто созывавших различные съезды, совещания, конференции. Значительно увеличилась работа стенографов в редакциях газет, в Петрогра-

ском Телеграфном Агентстве и т. д. Небольшое количество квалифицированных стенографов с трудом справлялось с этой работой. Тогда еще не применялся способ парламентской расшифровки стенограмм*) нигде, кроме Государственной Думы и Государственного Совета. Стенографы записывали по одиночке или вдвоем длинейшие заседания и у них накапливались целые согни страниц не расшифрованных стенограмм, которые они не успевали расшифровывать иногда в течение месяцев.

1917 г. был новой эрой для стенографов. В Москве в первый раз на первых же заседаниях Совета Раб. Деп. был применен парламентский способ стенографирования, который и до сих пор практикуется при стенографировании сессий ВЦИК, пленумов Московского Совета, всех больших профессиональных, партийных и др. съездов, происходящих как в Москве, так и в других крупных городах Советской России—в Харькове, Киеве, Одессе, Ростове на Дону и т. д. Этот способ стенографирования разгрузил стенографов от кип нерасшифрованных стенограмм, лежавших тяжелым гнетом на них и во многих случаях не увидавших свет за устарелостью материала при наступлении революционного периода. Этот способ стенографирования дает возможность организаторам съездов пользоваться стенографическими отлетами сейчас же после окончания каждого заседания, передавать речи главных вождей и выдающихся деятелей советской власти в печать, опубликовывать постановления, тезисы, рассылать для информации и руководства на места полные стенографические отчеты. Но с другой стороны, этот способ расшифровки требовал, как наиболее нервный и напряженный, большего развития квалификации стенографа и большей затраты энергии.

Каковы же были условия работы стенографов в Советской России?

Количество работы возросло во много раз. До революции в таком центре общественной и промышленной жизни, как Москва, происходило до 10-ти крупных съездов в год, а с 1917-го года—по 10—20 съездов в месяц, при чем нередко параллельно происходило по 3—4 съезда или совещания государственного значения.

Темп и характер заседаний съездов после революции стал другой. Стенографы германского рейхстага, характеризуя условия своей работы, отметили, что напряженность их работы резко повысилась с момента появления в рейхстаге первых социал-демократов. В этом—на первый взгляд неожиданном выводе—ключ к анализу условий работы стенографов и в Советской России. В чем же тут дело? Первый появившийся в рейхстаге социал-демократ внес в дебаты страстность, а страстность для стенографа—это значит скачек речи оратора от 90—100 слов „orateurs de santé“ (гигиенических ораторов), как говорят французские стенографы, к 120-130-140 словам в минуту. Такой скачек мы можем проследить и в практике наших русских стенографов в период революции. Рабочий класс перешел к строительству новой жизни. По каждому вопросу сталкивались новое и старое мировоззрения, выявляли свою платформу представители различных взглядов, различных партий, ставились все новые и новые вопросы, разрешались новые проблемы, открывались новые горизонты во всех отраслях революционного строительства, а следствием этого являлся бешеный темп речей ораторов, страстность и нервность дебатов. Вопросы новые, вопросов много, каждый из участников совещания или съезда хочет сказать свое слово, а время ограничено. Не только т. т. Ленин, Луначарский, Рязанов, Бухарин—гроза стенографов в смысле быстроты речей, но даже рядовые ораторы, стараясь

*) Коллективное стенографирование 5-6-ю стенографами одиночками или парами десятиминутными сменами, в промежутки между которыми производится расшифровка под диктовку машинистке, так что к концу заседания получается готовый стенографический отчет.

уложить свою мысль в предоставленные им 10-5-3 минуты, сыпят по 130-150 слов в минуту, превращаясь в „пулеметы“, по выражению стенографов. Стенограф напрягает все усилия, чтобы ухватить мысль оратора, характерные его словечки, творя в процессе работы новые стенографические значки, намеки на значки. В такие моменты стенографу приходится развивать до максимума все свойства, характеризующие хорошего стенографа.

Трудность работы обуславливалась еще внешними условиями, в которых приходилось работать стенографам в первые годы революции—в помещениях часто непригодных к заседаниям, с плохой акустикой, с плохим освещением и совершенно неотапливаемых. Конечно, это были общие условия в те годы для всех, но они особенно были тяжелы для стенографов. Иногда в течение нескольких часов приходилось напрягать зрение в плохо освещенном помещении, рукой, распухшей и потрескавшейся от холода, выводить тонкие, изящные стенографические значки.

Если в нормальных условиях от стенографа требуется быть энциклопедистом, иметь широкое развитие и знакомство с политическими, общественными и другими вопросами, ориентировку в вопросах повседневной жизни, во сто крат больше все это требуется от стенографа революционной эпохи,—только тогда он может схватывать мысль оратора налету, понять с полслова то, что является злобой дня того или другого революционного момента и фиксировать точно в стенограмме. Затем разнообразие специальных вопросов, быстрота смены этих вопросов: утром—по текстильной промышленности, вечером—дискуссия о профсоюзной линии, завтра—об электрификации России или тактика конницы в гражданской войне—некогда остановить внимания, некогда познакомиться по руководствам с данными вопросами, некогда выработать специальных стенографических сокращений.

Кроме того, стенографам Советской России пришлось проявлять в себе характерные черты данной профессии—особую выносливость и самообладание. Как уже указывалось, стенографам приходилось тогда работать в невыносимо тяжелых условиях, причем продолжительность работы каждого стенографа исчислялась ежедневно 10-12 часами, а то и более. Заседания затягивались до 1-2-х ч. ночи, после чего им приходилось пешком по неосвещенным улицам добираться домой, с тем, чтобы к 10-ти час. утра, не восстановив затраченной накануне энергии, явиться на новую работу. Эта особая выносливость требовалась потому, что громадная работа по стенографированию производилась крайне мизерным количеством стенографов высшей квалификации на всю Советскую Россию. В 1917 г. в профессиональном объединении стенографов г. Москвы (впоследствии Стенографической секции при профсоюзе советских работников) было зарегистрировано 100 стенографов. Число это только к 23-му году увеличилось до 200 и из 100 стенографов в первые годы революции только 37 являлись стенографами высшей квалификации в гор. Москве и, может быть, 10-20 работало по другим большим центрам Р. С. Ф. С. Р. Только 37 стенографов (московские и петроградские) провели колоссальную работу по обслуживанию всех государственных учреждений, главным образом в Москве—ВЦИК, Московский Совет, Реввоенсовет, Московский и Верховный Трибуналы, Академию Генерального Штаба, Социалистическую Академию, Коммунистический Университет, В. С. Н. Х., В. Ц. С. П. С.,—вынужденные занимать по 2-3-4 постоянных места, работая затем на съездах, совещаниях, конференциях, мобилизованные для сверхурочной работы по специальности. Из этого же скудного количества стенографов приходилось уделять и для обслуживания мирных переговоров Р. С. Ф. С. Р. с Эстонией, Финляндией, Польшей и для наших представительств в различных странах и в этом отношении Советская Россия могла гордиться своими стенографами: при параллельной работе иностранных стенографов и советских, последние оказывались на вы-

соте положения. Уже на мирные переговоры в Брест-Литовске т. Троцкий поехал со своими стенографами из Петрограда. Затем стенографы работали у Всероссийского Старосты М. И. Калинина при его поездках по Советской России и у многих наркомов; в поездках т. т. Троцкого, Подвойского, Главкома Вацетиса, бесстрашно переезжая с ним с фронта на фронт, у т. Чичерина на ночных дежурствах, у т. Луначарского и т. д. Из этого перечня видно, что могли принимать участие в работе на съездах в Москве далеко не все 37 стенографов, а между тем спрос на стенографов был настолько велик, нужда была такова, что многие учреждения умоляли Бюро по распределению стенографических сил прислать стенографов, иногда старались заинтересовать их премиями, а в том случае, когда отказ был неизбежен, в качестве последнего средства спасти положение, прибегали к угрозе применить даже Ч. К., даже „мобилизацию“. Конечно, угроза так и оставалась угрозой и никогда не была реализована, несмотря на то, что свободных стенографов все-таки не оказывалось. Был даже курьезный случай, когда один организатор съезда объявил заведующей Бюро стенографов, что если она не пришлет на съезд стенографов, то ему остается покончить жизнь самоубийством, в виду того, что на съезде ожидалось выступление т. Троцкого, которого нужно было застенографировать. Комитету стенографической Секции приходилось часто разъяснять положение дела, отписываться, просить заступничества у высшей профессиональной инстанции, у председателя В. Ц. С. П. С.—т. Томского.

Ярко рисует положение того времени следующая сводка, представленная в Президиум Московского губотдела союза советских работников и объясняющая, почему стенографы не могли обслужить пленум М. Г. С. П. С. 28-го октября 1920 г.: „Всего съездовых стенографов в Москве—37. Из них в командировках—8 (на мирных переговорах с Польшей—4, в Германии с т. Лозовским—1, в поездке с т. Калининым—1, с т. Каменевым на южном фронте—1, с начальником ЦУПВОСО т. Аржановым—1), на Всероссийской Тарифной Конференции В. Ц. С. П. С.—10, на пленуме Союза Совработников—4, на дежурстве у т. Чичерина—2, на лекции в Коммунистическом Университете—1, в Реввоенсовете—2, на заседании Ученого Совета Школы Маскировки—4, тяжело больны—3, отсутствует телефонная связь у 3-х“.

Недостаточное количество стенографов заставляло стенографов революционной эпохи культивировать в себе еще одно необходимое качество—самообладание. До революции стенографировали преимущественно парами, следовательно, всегда был контроль. Не услышит, не поймет одна стенографистка, ухватит другая, не разберет своего стенографического значка, прочтет свой значок. В парламентах еще больший контроль—часто одновременно пишут четыре стенографа, затем главные мысли записывает контролер-стенограф (в Вене, в Париже). Недостаточное количество стенографов заставило их в Советской России разделиться („развестись“, как мы говорим) писать не парами, а одиночками. И вот сидит один стенограф за своим столиком, ловит каждое слово оратора, реплики с мест, одновременные призывы председателя к спокойствию, звонок его, аплодисменты. Все должно быть зафиксировано в отчете, за все отвечает он один. Какое нужно самообладание, чтобы не растеряться, сразу ухватить оратора! Ведь только что он расшифровывал в соседней комнате свою смену, скажем речь т. Томского, довольно спокойную, полную яркого юмора, шуток и прибауток, для которых приходится творить новые стенографические значки. В голове еще отрывки его речи, стук пяти машинисток, с которыми работают стенографы, а тут уже новая смена, уже возражает ему т. Рязанов, блестяще развивающий свою критику.

Такая же интенсивная работа выпала, по имеющимся данным, на долю стенографов, разбросанных по более или менее крупным центрам Советской России. И там, как и в Москве, требовались стенографы только высокой

квалификации для обслуживания заседаний местных советов, ревтрибуналов, местных съездов и совещаний. Стенографы же 2-й категории в это время почти не имели применения своей профессии.

Необходимо указать, что такую работу можно было выполнить только потому, что в течение всего времени существования профессионального объединения стенографов вопрос об учете наличных стенографических сил в Москве и планомерного использования их стоял на первой очереди, и когда настал острый момент громадного спроса на стенографический труд при мизерном количестве стенографов, то централизованный аппарат для целесообразного их использования и организации стенографической записи был уже готов. Работа велась через Бюро стенографов при Комитете стенографической секции. Этот аппарат был настолько тщательно сложен и работал с такой отчеканенной точностью, что достаточно было короткого времени, чтобы организовать стенографическую запись какого угодно заседания.

Кроме того, эта организация стенографической записи облегчалась тем, что для стенографов вопросы о трудовой дисциплине, о поднятии трудоспособности, о сознании своего долга и значения всех проводимых ими работ, являлись вопросами, не требующими разъяснения. В то время, как во всех областях труда наблюдалось резкое падение его производительности и ставился вопрос о поднятии этой производительности до довоенной, напряженность стенографического труда была во все годы революции несравненно выше довоенной при одинаково неблагоприятных условиях для всех профессий. Стенографам, как мобилизованным, приходилось не считаться с нормами рабочего времени, охраны труда. Хронически переутомляясь, страдая от профессиональных заболеваний (нервное переутомление, сердечные припадки, воспаление пачевого нерва удел 25% всего состава московских стенографов), они стояли на своем стенографическом посту.

Были ли оценены труд стенографов в Советской России? Можно с уверенностью сказать—да! Большой спрос на стенографов доказывает, что стенография признана в Советской России одной из необходимейших профессий. На всех съездах, совещаниях, конференциях делегаты съездов с большим вниманием и предупредительностью относятся к стенографам, уступая им место, стараясь не мешать работе, приходят к ним в расшифровочную, молча слушают диктовку стенографа, удивляются, как можно записать каждое словечко оратора, спрашивают об условиях труда, об оплате и о самом процессе работы. Организаторы съездов в тяжелые 18—21 годы старались компенсировать стенографов, в виду мизерных ставок для них, продовольственными премиями, мануфактурой, обувью и т. д. Неменьшим признанием пользуются стенографы у вождей революции и деятелей Советской России. Председатель ВЦИК т. Калинин, наркомы т. Троцкий, т. Чичерин, Луначарский, председатель ВЦСПС т. Томский и др. относятся к стенографам с большим вниманием, признавая всю трудность и напряженность их работы. Т. Ленин, несмотря на огромную загруженность работой, не пользовался личным стенографом, но во время работы на съездах, мы, стенографы-практики, всегда видели от него внимательное к себе отношение.

Если стенографировать речи революционных деятелей особенно трудно в виду быстрого темпа их речи, важности и исторического их содержания, то стенографирование речи т. Ленина требует исключительной напряженности. Т. Ленин говорит очень быстро, притом переходит с места на место, от кафедры к столу президиума, вправо, влево, и не смотря на все мольбы стенографов до заседания не отходить далеко от их стола, на что он отвечает только улыбкой, во время речи забывает об этом. Однажды был курьезный случай, когда стенографистка, видя, что он, несмотря на баррикады, которые сделали стенографы из кафедры и своего стола, чтобы не пропустить его, уже сде-

лал несколько шагов, чтобы обойти эту баррикаду с другой стороны и убежать на другой конец эстрады, где уже совершенно было бы его не слышно, схватила его сзади за пиджак и потянула к себе. Но главная трудность при стенографировании речи т. Ленина состоит в том, что стенографу приходится при этом собрать всю силу воли, все самообладание, чтобы не поддаваться тому подьему, который охватывает всю аудиторию во время его речи. Увлекаясь сам, он увлекает всю аудиторию, которая то слушает его с затаенным дыханием, то бурно аплодирует, то смеется. Только один стенограф с полным самообладанием, твердой рукой должен фиксировать все, что слышит, не реагируя на блестящие новые мысли, на глубокий анализ событий, на его образные сравнения, на его едкую критику как врагов, так и друзей, на его редкий юмор. Стенограф должен не слушать, а писать. Поэтому „уловить“, „овладеть“ т. Лениным, как говорят стенографы, могут только исключительные стенографы с большой техникой и самообладанием.

Об отношении т. Ленина к стенографам свидетельствует следующий факт. На одном из съездов в 1921 г., когда из-за недостатка в стенографах было их только 3 вместо 5 и неожиданно приехал т. Ленин, к нему подошли стенографы и сказали, что, к сожалению, они не ручаются за стенограмму, потому что работают целый день бессменно, что остальные стенографы на других работах, а если и есть свободные, то у них нет телефонов и несмотря на неоднократные просьбы и требования у правления телефонной сети поставить телефоны стенографам, оно не понимало необходимости этого. На это т. Ленин вынул свою записную книжку, вырвал клочек бумаги и написал: „Управделами. Прошу оказать содействие стенографисткам в постановке им телефонов“. Эта записка, конечно, открыла перед стенографами все двери соответствующих учреждений и через две недели были поставлены вне всякой очереди у стенографов 10 телефонов.

Вот страничка из жизни и работы стенографов, кот орая, пожалуй, лучше всяких статистических данных и обобщений говорит о том, как проходила работа стенографов в Советской России за 5 лет революции.

В заключение полагаю не лишним привести имена тех стенографов, которые в Москве, следовательно, в самом бурном центре революционного времени, вынесли на своих плечах всю эту тяжелую и огромную работу: Е. Алларт, Р. Вексман, О. Горбунова (умерла в 1919 году от туберкулеза), О. Грацианская, С. Гольдберг, Н. Жарновская, М. Игумнова, А. Каменева, О. Клевцова, А. Козлова-Бондаренко, Л. Косенко, М. Кузько, Е. Левитская, Э. Лемберг, Т. Моисеева, Е. Насибегова, М. Одинцова, В. Остроумова, М. Опарина, О. Парпутти, Ю. Протопопова-Строева, Р. Ройз, О. Рослякова, Л. Рождественская, С. Рождественский, Е. Скрипченко, Р. Турубинер, О. Фигуровская, А. Фудель, В. Цейдлер, М. Чубко, С. Юдина.

С. Юдина.

Проблемы новой стенографии.

Главная задача, разрешение которой взяла на себя стенография, заключается в том, чтобы создать такую систему записи, которая дала бы полную возможность любому из нас легко записывать живую речь. Стенография, чтобы придти к тем сравнительно усовершенствованным системам записи, которые нас в настоящее время более или менее удовлетворяют, прошла в своем развитии длинный этап. Но все же она не вполне отвечает предъявляемым к ней требованиям и мы вправе от нее требовать еще многого.

Задача настоящей статьи—наметить те новые вехи, по которым, по нашему мнению, должна стенография держать направление для достижения своей главной цели—записи живой речи.

Все существующие в настоящее время стенографические системы можно разделить на три главных типа: геометриальные, графические и смешанные, т. е. полугеометральные—полуграфические.

Геометральными системами называются такие, которые за основу своего буквенного алфавита берут прямую линию, окружность и части ее. Характерным же признаком геометриальных систем служит отсутствие волосной соединительной черты, так как буквенные знаки присоединяются друг к другу непосредственно, создавая зигзагообразные начертания.

Графическими называются системы, буквенные знаки которых составлены из элементов обыкновенного письма. Эти знаки пишутся с таким же наклоном, как и обыкновенное письмо—ровно, в строчку. Характерным признаком таких систем является употребление волосной соединительной черты—как и в нашем обыкновенном письме.

Смешанными системами мы называем такие, у которых признаки геометриальных и графических смешаны, т. е. буквенные знаки согласных позаимствованы из графических систем, волосная же черта не играет роль только соединительной, а обозначает сама по себе ту или иную гласную, а иногда ту или иную согласную, т. е. здесь налицо геометриальный признак—соединение буквенных знаков непосредственно друг с другом.

Самые старейшие из всех систем—это геометриальные. От времени Римской Империи и до настоящего времени они выставили сотни авторов и в лице Исаака Питмана и Прево-Дюплёе сказали свое последнее слово. Системы эти тяжелы для письма, трудны для изучения, и страны, где такую стенографию изучают почти все грамотные (Америка), всетаки имеют крайне ограниченное число хороших речеписцев.

Графические системы существуют не более ста лет. Гениальный основатель этого вида систем баварец Габельсбергер, выпустивший в 1834 г. первый свой учебник, до сего времени оказывается еще не превзойденным, хотя после него появилось несколько десятков графических систем, причем некоторые из них получили довольно большое распространение (Штольце и др.). В коротких словах знаки по геометриальным системам получаются короче, чем по графическим. Поэтому английский и французский языки предпочитают геометриальные системы, страны германские и славянские на том же основании—графические, ибо более длинные слова крайне неудобно выписывать геометриальным порядком и совершенно легко и свободно графическим.

Так как эти системы вполне удовлетворить требованиям, предъявляемым к хорошей стенографической системе, не в состоянии, то до сего времени люди не перестают пытаться создать новые, более лучшие системы. Но до сих пор никто еще не мог превзойти лучших авторов того и другого вида—Питмана и Габельсбергера.

Совершенно иначе обстоит со смешанными системами. Для авторов новых систем смешанный тип представляет необъятное поле действий, ибо он оказался наиболее эластичным и пригодным для всевозможнейших комбинаций сократительных приемов письма. Трудно перечислить все принципы сокращений, которые возможны в системах смешанного типа.

На самом деле. В смешанных обычно штрих сверху—вниз обозначает согласную, снизу—вверх и с наклоном—гласную. Здесь вопрос о гласных решен. Изменять начертания согласных можно уже для выражения не гласных (как в графических), а согласных же. Можно, пропуская иногда гласную, соединять две согласных путем увеличения, положим, раза в два первого знака согласной, путем нажима этот знак принимает в себя третью согласную,

т. е. в одном штрихе сверху—вниз можно выписывать сразу две и даже три согласных. Одним словом, здесь есть где развернуться творческой фантазии авторов систем. Уже в системе Штольце-Шрей можно усмотреть признак смешанности. Там на ряду с графическими согласными утилизируется волосная черта для характеристики той или иной гласной.

Более последовательно признак смешанности (штрих сверху—вниз—согласная, снизу—вверх или с наклоном—гласная) проводится в новых русских системах Лапекина и Соколова. Система автора этих строк, используя графический принцип, т. е. взяв значки согласных из систем Габельсбергера и Штольце, обозначила ими не отдельные согласные, как это сделали все существующие системы, а согласные вместе с гласными, т. е. целые слоги. Для выражения же встречающихся отдельных согласных она использовала волосную соединительную черту. Таким образом видно, что все сократительные принципы геометриальных и графических систем вполне доступны и смешанным, но смешанные, кроме того, могут использовать и такие сократительные принципы, которые совершенно недоступны для первых.

Из вышеприведенного явствует, что будущее принадлежит, без сомнения, смешанным системам, как наиболее способным к использованию разнообразнейших сократительных принципов, если, конечно, мы будем смотреть на стенографию не как на „быстропись“, а как на „речепись“. До сего же времени на стенографию смотрели и как на быстропись, и как на речепись. Сообразно с этим теория всякой системы делилась на две части—на часть „школьную“ и часть „парламентскую“. „Школьная“ часть теории имела целью дать стенографическое письмо, могущее служить заменой обыкновенного письма, и служащее переходной ступенью к дальнейшему „парламентскому“ письму. Однако, жизнь показала некоторую ошибочность этого крепко установленного и строго проводимого взгляда. Очень мало находилось людей, которые старались бы обыкновенное письмо заменить стенографическим по той простой причине, что желающих читать такое письмо очень мало. Повидимому, школьному стенографическому письму еще не время конкурировать с обыкновенным письмом. Вторая же ссылка на необходимость изучения школьного письма, как этапа к дальнейшему усовершенствованию и переходу на письмо парламентское, тоже не выдерживает особой критики. Изучив школьное письмо, которое дает обычно от 40 до 80 слов в минуту, стенограф не остановится на этом, а непременно постарается сделать попытку усвоить и парламентское письмо. Но письмо парламентское по своему внешнему виду резко отличается от школьного, ибо здесь вводится целый океан значков и всяких условных сокращений. Изучающий с сожалением оставляет великолепно усвоенное им школьное письмо и все силы направляет на тренировку в приведенных в наикратчайший вид стенографических начертаниях. В результате, из тысячи великолепно владеющих школьным письмом только единицы делают хорошими речеписцами, десятки возвращаются к школьному письму и на нем остаются, а остальные вовсе бросают изучение стенографии, горько сожалея о потерянном времени.

По нашему же мнению, авторы делят свою теорию на две части потому, что вся их система приурочена, главным образом, лишь к школьному виду письма. В теориях их систем имеются налицо данные лишь для школьного письма, парламентское же письмо относится к так наз. „высшему“ письму, для которого никакой цельной теории, кроме бесконечного количества значков, не существует. Ведь каждый изучающий стенографию сначала бывает очень уверен, что достаточно изучить лишь теорию стенографии и у него будут все данные для речеписи. И каждый затем, в свою очередь, разочаровывается, видя, что самого главного—речеписи—ни одна теория стенографии дать не в состоянии, относя успех усвоения „высшей“ быстрописи на счет личных достоинств изучающего,—на его интеллектуальность, энергию,

Горня
Линия
Штольце?

физиологическую ловкость руки и т. д. На основании этого приходится прийти к заключению, что школьное письмо характеризует не достоинство системы, а ее недостатки. И поэтому на стенографию не следует, по нашему мнению, возлагать две совершенно разнородных задачи — служить заменой обыкновенного письма и служить средством записи живой речи. Правда, обыкновенное наше письмо очень медленно, но заменять его надо не стенографическим алфавитом, а особыми упрощенными знаками. Знаки же стенографического алфавита не годятся потому, что при их выписывании требуется тщательная „стенографическая“ каллиграфия, каковой нельзя требовать от всех людей и в каковой обыкновенное письмо, к счастью, не нуждается.

Вот почему к стенографии мы должны предъявлять единственное требование — быть речеписью. И построение теории всякой стенографической системы должно отвечать только этому главному требованию, т. е. в самой теории должны заключаться все данные для самого краткого, вполне пригодного для речеписки начертания слов, чтобы сразу по прохождении теории никакой иной фигуре, кроме самой краткой, не было бы места.

Ни геометральные, ни графические системы такой теории пока еще не имели и, по видимому, иметь не в состоянии. Так называемый „парламентский“ курс их — это фолианты значков, фразеограмм, которые чем больше заучиваешь, тем больше убеждаешься в их нецелесообразности, — это бесконечная тренировка, которая в музыкальной сфере давно бы превратила стенографического мученика в виртуоза — пианиста или скрипача, — это лабиринт логических сокращений в виде отрывков, начал или концов слов, в результате чего при разборе их стенограф получает нервные заболевания... Довольно!

Будущее должно принадлежать только системам смешанного вида. И сама жизнь, в лице все ускоряющегося темпа речи ораторов, вызывает резкое требование усовершенствования стенографии не в смысле быстрого письма, а в смысле речеписки, т. е. создания теории письма, имеющей в самой себе все данные для наикратчайшего до предельной возможности и в то же время наилегчайшего начертания слов, сохраняющих за собой и другое важное качество — их полную удобочитаемость. Только смешанные системы в состоянии вполне разрешить эту проблему.

П. Бурлаков.

К вопросу об экспериментально-психологическом исследовании стенографов¹⁾.

(Из психологической лаборатории Государственного Московского Психоневрологического института. Зав. проф. А. П. Нечаев).

Вопрос об исследовании стенографов выдвинула сама жизнь. Московский комитет стенографов в целях выяснения особенностей своей профессиональной работы обратился в Московский Психоневрологический Институт с просьбой произвести соответствующие исследования. Институту впервые пришлось встретиться с вопросом об исследовании стенографов, а потому первой задачей его было выработать самый метод исследования. Имея в виду, что в психологической лаборатории Института был уже выработан коллективный метод для исследования представителей других профессий, было признано целесообразным и для исследования стенографов оставить тот же метод.

¹⁾ Из доклада, прочитанного на I-м Всероссийском Съезде по психоневрологии в г. Москве в январе 1923 года.

не внося в него никаких изменений, т. к. исследования при помощи одного и того же метода дадут впоследствии возможность провести сравнительную оценку результатов исследований представителей различных профессий.

Принятый метод состоял в следующем.

I. Давалась краткая предварительная анкета, в которой испытуемые должны были отметить время исследования, год рождения, образовательный ценз и профессиональный стаж, а также здоровье и настроение в данный момент.

II. Предлагалось молча выслушать и затем записать по памяти ряд из 12 двузначных чисел. При этом, каждое число произносилось с пятисекундным промежутком. Этот опыт с разными числами в рядах повторялся три раза. Ряды были предложены следующие:

1) 59, 62, 41, 91, 87, 34, 23, 78, 26, 67, 93, 51.

2) 52, 96, 81, 37, 23, 68, 41, 39, 27, 93, 48, 72.

3) 53, 69, 21, 73, 97, 71, 36, 29, 74, 82, 39, 43.

III. Испытуемым предлагалось слушать произносимые экспериментатором числа, при чем они должны были, услышав четное число, немедленно написать его и затем как можно скорее писать следующие числа в прямом порядке; при восприятии же нечетного числа, записав услышанное число, продолжать писать как можно скорее дальнейшие числа в обратном порядке.

Испытуемым давались, одно за другим, 40 чисел, из которых половина была четных и половина нечетных. Числа произносились с промежутками времени одно от другого в 15 и 30 секунд; числа давались следующие и в таком порядке:

18—30", 49—15", 32—15", 75—15", 84—30", 16—15", 89—30", 50—30",
24—30", 79—30", 62—15", 71—30", 81—15"; 26—15", 57—15", 4—30",
43—15", 22—15", 71—15", 44—30", 65—30", 46—15", 73—30", 10—30",
66—30", 91—30", 38—15", 73—30", 85—30", 87—15", 40—15", 39—15",
2—30", 51—15", 24—15", 59—15", 87—30", 62—15", 93—30", 50—30".

IV. Предлагалось точно так же, как и в начале опыта (п. II) выслушать и записать по памяти следующие три ряда двузначных чисел:

1) 72, 61, 26, 83, 49, 97, 63, 92, 74, 29, 41, 38.

2) 52, 29, 81, 93, 37, 42, 68, 46, 24, 89, 51, 65.

3) 42, 63, 29, 54, 26, 91, 35, 73, 96, 23, 39, 27.

Этими опытами и оканчивалась первая общая часть исследования.

В дополнение к вышеописанным методам были выработаны и поставлены еще и такие, при посредстве которых можно было бы наиболее рельефно выявить состояние тех индивидуальных способностей, достаточное развитие которых необходимо для стенографа, как профессионала. К таким способностям были отнесены, прежде всего, комбинаторская способность и способность воображения, в частности — воспроизведение текста по данным элементам.

Соответственно этим заданиям были приняты и поставлены следующие эксперименты.

V. Последовательно показывались испытуемым следующие три пары предметов.

1. Шляпа и кофейник.

2. Ветка и шляпа.

3. Кофейник и ветка.

Испытуемые должны были записать на своих бумажках первую мысль, какая придет им в голову при виде этих предметов.

VI. Последовательно произносились экспериментатором следующие три тройки слов:

1. Река, колокольня, линейка.

2. Слезы, ветер, заяц.

3. стакан, трамвай, верблюд.

Испытуемые должны были придумать фразы, в которых были бы на лицо все три произнесенных слова.

VII. Предлагалось заполнить пропуски в тексте какими угодно словами. Текст давался следующий:

„На сотни... кругом... лес; конца не видно...; редко... сыщешь... жилье. Только..., где песчаная... железной дороги... могучую грудь... бора, изредка... маленькое село, с... серенькою церковью, с... кладбищем, поодаль и с... пестро-зеленого поля вокруг. И жутко,... проехать по... краю! Однажды на захолустной... станции... артель... На... леса выстроили они... сарай-мастерскую да избу“.

VIII. Наконец, испытуемым было предложено застенографировать под диктовку отрывок из журнальной статьи о том, как организовывался один из педагогических музеев в Москве (Вестн. Просв. № 3—5, 1922 г. стр. 32), при этом текст был поделен на три равные части на 90 слов в каждой (всякое слово, независимо от его величины, принималось за единицу). Весь текст в 270 слов, наклеенный на барабан, вращающийся при помощи часового механизма, прочитывался ровно в течение трех минут. Непосредственно по окончании диктовки было предложено испытуемым расшифровать записанное.

IX. Была предложена заключительная анкета с вопросами, характеризующими настроение и утомление испытуемых в конце опыта.

Самое исследование при помощи вышеописанных методов было произведено над 16-ю стенографами в три приема: 29-го ноября, 6-го и 20-го декабря 1922 г., при чем все три группы были поставлены в равные условия.

При помощи анкеты выяснилось:

1) Возраст испытуемых колебался от 21 года до 55 включительно.

до 25 лет	25%
от 25 до 35 л.	63%
от 35 до 55 „	12%

2) Образование.

среднее	75%
среднее и специальное	12,5%
высшее	12,5%

3) Профессиональный стаж—от 1½ года до 15 лет включительно.

до 4 лет	25%
„ 8 „	50%
„ 15 „	25%

4) Здоровье и настроение в период исследования отмечены в общем удовлетворительными, с очень слабыми отклонениями от нормы (насморк, незначительная головная боль и т. д.).

По обработке полученного материала вычислялись: 1) Средний объем памяти испытуемых. 2) Объем внимания. 3) Величина адаптации внимания. 4) Количество чисел, правильно написанных в прямом порядке (скорость счета). 5) разница в количестве чисел, написанных каждым испытуемым в прямом и обратном порядке. 6) Комбинаторские способности и воображение. 7) Количество ошибок в стенограмме (в рукописи-расшифровке).

1. Память. Память измерялась количеством чисел, воспроизведенных правильно (пункты II и IV), порядок чисел не принимался во внимание. В среднем объем памяти оказался у стенографов равным 5, с крайними числами от 3,5 до 9,3.

2. Объем внимания. Объем внимания измерялся длиной непрерывного ряда данных чисел, правильно воспроизведенных (п. II и IV). В среднем объем внимания испытуемых оказался равным 2,8, с крайними числами от 2 до 5,7.

3. Адаптация внимания. При запоминании рядов двузначных чисел, данных в начале опыта (п. II), обнаружилась склонность запоминать по преимуществу числа, расположенные в первой трети ряда, т. е. первые четыре из 12 каждого ряда; в среднем это составляет 5,7 (из 12), тогда как чисел удержанных в памяти из третьей трети ряда в среднем составляет 5,4,—при максимальных: из первой трети 11 и из второй 9; при минимальных: из первой 3 и из второй 2. При запоминании же чисел в середине опыта (п. IV) обнаружилась склонность запоминать по преимуществу числа, расположенные в последней трети данных рядов, т. е. последние четыре числа каждого ряда, что дает в среднем 7, тогда как в том же опыте чисел из первой трети рядов в среднем осталось в памяти 5,7,—при максимальных из первой трети 9 и из последней 11, при минимальных—2 и 4. Разница в % количества чисел, удержанных из первой части рядов, данных при первом и втором опыте с заполнением чисел, была принята за коэффициент адаптации внимания.

4. Скорость счета. Скорость писания чисел определялась количеством написанных испытуемым чисел в прямом порядке (п. III); при этом, если в ряду оказывались ошибки или неправильности, то весь ряд не принимался в расчет. В среднем скорость счета оказалась равной 449,—с крайними числами от 330 до 593.

5. %-ная разница в прямом и обратном счете. Если сравнить количество чисел, написанных испытуемыми в прямом и обратном порядке, то окажется, что в среднем больше чисел приходится на долю прямого счета, именно 449, тогда как на долю обратного счета в среднем приходится 369 чисел,—разница равна 80 числам. Принимая сумму чисел, полученную в результате прямого счета за 100, мы можем определить процентную разницу в прямом и обратном счете, эта разница в среднем выражается в количестве—17 (минус 17),—при максимальном количестве 0 и минимальном—36.

6. Комбинаторские способности и воображение. 1) Составление фраз по данным предметам (п. V). Составленные фразы были поделены на три категории. К первой категории были отнесены такие фразы, в которых все слова, данные испытуемым, относятся к воспринятым им предметам, как их названия. Такие фразы оценивались 1. Ко второй категории относились фразы, все слова которых не могут быть приняты в качестве названий воспринятых предметов (в целом или в частях). Такие фразы оценивались 3. Ко третьей категории относились все остальные фразы, занимающие срединное положение между двумя первыми категориями. Эти фразы оценивались 2. При такой оценке в среднем было получено 4,8 на три фразы, при крайних цифрах минимум 3 и максимум 8, 2) Составление фраз с комбинацией данных трех слов. (п. VI). Составленные фразы были поделены на три категории. К первой были отнесены построения, представляющие собою одну фразу, вполне осмысленную, в которой имеются на лицо все три данные слова, напр. „Над рекой стояла колокольня, прямая, точно линейка“. „В 19 году на московский трамвай было так же трудно попасть, как утопить верблюда в стакане воды“. „Невозможность придумать что-либо о ветре и зайце заставляет дить слезы бедную стенографистку“. Такие фразы оценивались 3. Ко второй категории отнесены были фразы, представляющие собою построения из двух или более отдельных предложений, напр. „Верблюд вез стаканы, по улице ехал трамвай“. Такие фразы оценивались 2. К третьей категории относились построения, представляющие собою нечто бесформенное, лишенное смысла или не имеющее обязательных слов, хотя бы одного. „Верблюдов сел на трамвай не выпив чаю“. Такие фразы оценивались 1. При такой оценке было получено в среднем 8,2,—при минимальном количестве 3 и максимальном 9.

7. Восстановление текста. (п. VII). Разбор текста с восстановленными словами не дал определенных результатов в том смысле, что все пропуски были заполнены и заполнены правильно. У двух испытуемых оказалось неза-

полненными по 1 месту и у одного 9, но последний оговорился, что не понял задания. Очевидно, для получения более рельефных результатов нужно было дать более трудный текст.

8. Количество ошибок в стенограмме. При обработке данных за единицу принимались целые слова; так, если в слове изменена хотя бы только одна буква, то это принималось за ошибку, и такое слово не принималось во внимание; знаки препинания в расчет совсем не принимались. В результате получилась кривая частоты встречающихся ошибок, начиная с минимального количества 2-х и кончая максимальным 101 на 270 слов, продиктованных в течение трех минут; ¹⁾ в среднем это дает на три минуты 34,5 ошибок и на одну минуту—11,5. Эта кривая дала основание поделить всех испытуемых на три группы, при чем в первую вошли давшие до 15 ошибок, во вторую—до 50 и в третью начиная с 50 и выше. В среднем каждая группа на 90 слов (в течение минуты) дает следующее количество ошибок: 1-я—2, 2-я—8, 3-я—22.

Если возьмем средние арифметические данные, полученные при наших экспериментах для каждой указанной группы стенографов, то получится следующая таблица.

Таблица 1.

Исследованный процесс.	1 гр. (лучшие)	2 гр. (средние)	3 гр. (худшие)
1. Память	5,5	5	4,7
2. Объем внимания	3	2,8	2,7
3. Адаптация внимания	+60	-13	+22
4. Скорость счета	500	450	400
5. % разница в счете	-14,2	-19,2	-17,3
6. Комбинаторск. способн. и воображ.	7,2	7,1	7,8
7. Ошибки в стенограмме	2	8	22

Обработка данных по корреляционной формуле Спирмана дала следующие результаты (корреляция с количеством ошибок в стенограмме). (Табл. 2).

Таблица 2.

1. Память	-0,09. (0,17).
2. Объем внимания	0,06.
3. Адаптация внимания	0,40. (0,03).
4. Скорость счета	0,55. (0,1).
5. % разница в счете	0,10.
6. Комбинат. спос. и вообр.	0,08.

Отсюда мы получаем некоторое право сделать тот вывод, что для определения профессиональной трудоспособности стенографа особенно важно установить степень адаптации внимания, скорости в счете и % разницу в прямом и обратном счете.

¹⁾ Расшифровка продолжалась от 14 до 37 минут (без машинистки),—в среднем 22 мин. т. е. в 4,4 больше письма.

В качестве иллюстрации позволю себе в целях сравнения привести индивидуальные данные исследования двух лиц—одного из 1-й категории и одного из 3-й. (Табл. 3).

ТАБЛИЦА 3.

	Память	Об'ем вниман.	Адаптация	Прямой счет	Обратн. счет	% разница в счете	Предм. (п. V)	Слова (п. VI)	Ошиб. в стеног.	Проф. стаж	Лета	Образов. цена	Система	Здоровье
Лицо из 1-й категор.	9.3	5,7	+24	548	549	0	6	3	3	4 г.	23	Средн.	Габел.	Удов.
" " 3-й "	5.8	3,3	-37	371	333	11	3	2,7	101	4 г. ¹⁾	28	Средн.	Габел.	Удов.

Считаю интересным остановиться еще на сравнительной оценке результатов, полученных при исследовании стенографов, с результатами, полученными проф. А. П. Нечаевым при исследовании летчиков. ²⁾

Эта сравнительная оценка представляется вполне возможной и законной потому, что были применены те же методы исследования, какими пользовался и проф. Нечаев. (Табл. 4.)

ТАБЛИЦА 4.

Сравнительные результаты Психологического исследования летчиков и стенографов						
	Летчики			Стенографы		
	Лучшие	Средние	Худшие	Лучшие	Средние	Худшие
1. Объем внимания	2,9	2,1	1,5	3	2,8	2,7
2. Адаптация внимания	-14	-21	-72	+60	-13	+22
3. Скорость счета	375	325	204	500	450	400
4. % разница между счетом в прямом и обратном порядке	-12	-19	-34	-14	-19,4	-17,3

Это ясно показывает сложность стенографической работы, требующей в некоторых отношениях даже большего проявления внимания, чем работа летчика. При этом интересно отметить, что у представителей этих двух профессий (летчиков и стенографов) на первый план выступают разные стороны процесса внимания: по видимому, для стенографа—преимущественное значение имеет *быстрота* процесса внимания, а для летчика—его *гибкость*.

¹⁾ Должен сказать, что вообще стаж имеет большое значение в смысле продуктивности работы. Так, для 1-й категории исследованных мною стенографов в среднем стаж выражается в размере 9 лет; для 2-й категории—в 6,2 г.; для 3-й категории—в 3,6 г.

²⁾ А. П. Нечаев. К вопросу об экспериментально-психологическом исследовании летчиков. „Журнал Психологии, Неврологии и Психиатрии“, № 2, 1923 г.

В заключение должен сказать, что изложенная здесь работа по исследованию стенографов представляет собою первую и пробную попытку выяснить поставленный вопрос, попытку главным образом, методологического характера. Нет сомнения, что систематическое приложение экспериментально-психологических методов к изучению труда стенографов может в будущем бросить свет не только на общий план желательных исследований, но и на ряд чисто практических вопросов, интересующих представителей данной специальности (подготовка и классификация стенографов, улучшение приемов работы, определение норм труда стенографа и т. д.¹⁾.

В. Правдолюбов.

Что нужно для того, чтобы быть хорошим парламентским стенографом²⁾.

Во-первых, нужно изучать стенографию под руководством хорошего педагога. Нужно получить в результате прохождения курса правильно поставленный стенографический почерк и основательное знакомство с теорией стенографии вообще и с принципами и методами сокращений стенописма в частности. Изучать стенографию по учебнику можно, но у нас, к сожалению, мало хороших учебников. Мало и хороших педагогов. Слишком часто и организаторы курсов и составители учебников преследуют только коммерческие цели.

Итак, во-первых, хорошее обучение. Однако, даже самый лучший педагог после непродолжительного курса—обычно в 3—4 месяца—не может дать учащемуся больше, чем знание теории стенографии, знакомство с принципами сокращений и обладание некоторой скоростью—приблизительно 30—40 слов в минуту, даже при самых хороших успехах. Перед учеником тогда встает необходимость самостоятельной упорной работы над увеличением скорости своего стенописма, над автоматизацией его. Эта работа требует, главным образом, второго условия, необходимого для того, чтобы стать хорошим стенографом,—наличия большого количества свободного времени, которое нужно посвящать стенографии. Вот тут то и лежит камень преткновения для многих и многих. Дело в том, что стенографию обычно изучают между делом, в свободное от службы и других занятий время, изучают как нечто, не требующее особых усилий и затраты времени. Усвоив кое-как теорию, не сделав своего стенописма автоматическим, смело и сразу приступают к „практике“, пишут крупно, размашисто, не четко, проделывая массу излишних движений,—и потом удивляются, почему не получается хороших результатов. А это потому, что не выполняется третье условие, необходимое для выработки хорошего стенографа,—постепенность перехода от медленного, школьного письма к быстрому, при наличии такого усвоения правил стенописма, при котором знаки выводятся автоматически, без раздумывания над ними, и почерк приобретает все большую быстроту без ущерба для четкости знаков.

¹⁾ Работы в этой области сейчас ведутся. В частности работает над вопросами об утомляемости стентруда и нормальной его продолжительности специалист в области психотехники д-р Кекчев. (Прим. Ред.).

²⁾ Эта статья представляет собой развитие некоторых мыслей автора, высказанных им в докладе „Основы стенографии“, прочитанном в октябре 1922 г. в Научно-Стенографической Комиссии.

Но если и это условие соблюдено, и если путем большой затраты времени и энергии стенографу удалось достичь скорости в 80—90 слов в минуту, позволяющей фиксировать медленную живую речь, тогда стремление изучающего стенографию к приобретению дальнейшей скорости сталкивается с препятствиями, коренящимися уже в самой психике изучающего стенографию.

На них мы и остановимся.

Психо-неврологическим институтом в Москве в конце 1922 г. над 16-ю стенографами было произведено исследование, давшее в высшей степени интересные и неожиданные результаты. При сравнении этих результатов с результатами, полученными при аналогичном исследовании военных летчиков, произведенном проф. Нечаевым, оказалось, что низшая группа стенографов обладала в отношении объема внимания, адаптации внимания, памяти и скорости счета более высокими психическими данными, чем высшая группа летчиков. А между тем профессия летчиков считается одной из труднейших.

Каковы же те психологические способности, высокое развитие которых обуславливает успешность работы парламентского стенографа?

Прежде всего, стенографу необходима, как неперенное условие, способность к тонким, обильным и точным звуковым восприятиям, т. е. хороший слух, главным образом, по отношению к словам, к речи.

Далее по степени важности следует способность, находящаяся в сфере воли,—это способность к концентрации внимания, умение в течение более или менее продолжительного времени всецело и неотвратно сосредоточиться на восприятии речи, отвлекаться от всего, кроме произносимой в данный момент оратором фразы. От способности к концентрации внимания отчасти зависит продолжительность времени, в течение которого стенограф способен непрерывно стенографировать без ухудшения качества стенограммы, т. е. без пропусков, ошибок, искажений смысла и т. д. Человек „рассеянный“ хорошим стенографом не будет. Стенограф во время стенографирования речи должен оставить вне зала, где он работает, все свои личные душевные переживания, должен отвлекаться от всех посторонних раздражений, которые стучатся в его сознание. Если же жизнь врывается в душу стенографа во время процесса стенографирования, если различные воспоминания приходят ему в голову и он не в силах их прогнать, то работа его будет безусловно неудовлетворительна. Вот почему особенное значение для качества стенограммы имеет физическое, психическое и нравственное состояние стенографа в момент работы, то, насколько он может управлять своей душевной машиной, каково его самочувствие, настроение и т. д.

Следующей способностью, играющей весьма существенную роль в процессе стенографирования, является быстрота психической реакции. У разных стенографов различен промежуток времени, протекающий между восприятием слухового раздражения в виде осмысленного звукового отрывка речи и реагированием на это раздражение движением руки, выписывающей стенознаки. Чем быстрее происходит такое реагирование у человека, тем больше у него данных быть хорошим стенографом.

Стенографу также необходимо обладать так называемой широтой (большим объемом) внимания, т. е. уметь удерживать в сознании длинный ряд слов и мыслей. Стенографу приходится удерживать в сознании фразу, только что произнесенную, но еще не записанную, в то самое время, как рука его записывает другие слова, сказанные ранее, так как стенограф в большинстве случаев мчит за оратором, держась от него на расстоянии нескольких слов. Это необходимо для того, чтобы соотносить, в каком согласовании записывать слова, но на стенограмме такое отставание на несколько слов не отражается, так как у точки, когда оратор делает паузу, стенограф его обыкновенно догоняет.

Затем стенографирование требует большой гибкости внимания. Нужно уметь в высшей степени быстро и точно изменять свои графические установки, т. е. в зависимости от различных слуховых раздражений и смысловых значений водопадом проносящихся слов соответственно изменять очертания знаков, переменять позиции, вообще применять все многообразные способы реагирования значками на слова.

Эта гибкость внимания у стенографа связана с его умением тонко координировать свои письменные движения. Стенограф должен уметь моментально, не задумываясь соблюдать размеры знаков, их относительное положение друг с другом. Если он пишет по системе Терне, то должен соразмерять начало знака с тем, чтобы его самая нижняя часть пришлась на определенном положении относительно строки. Такое же значение имеет постановка знака относительно строки в системе Штольце и меньшее — у Габельсбергера, где больше применяется вокализация, т. е. изменение самого знака, — нажим, расширение, усечение, повышение, понижение.

Стенограф должен обладать также хорошей зрительно-двигательной памятью. Он должен запоминать и легко воспроизводить множество знаков, т. е. зрительно-двигательных образов, соответствующих различным словам.

Однако, всеми указанными качествами далеко не исчерпывается духовный облик хорошего стенографа. Практика стенографирования требует еще сообразительности и находчивости. Встречаются подчас такие ораторы, от которых, по выражению стенографов, заплачешь. Встречаются ораторы с такой плохой, невнятной дикцией, что даже сидя рядом с ним, приходится напрягать все свое внимание и слух, чтобы только разобрать, что он говорит. В таком случае приходится по общему звуковому характеру, по ритму, по контексту и смыслу фразы догадываться, какое слово произнес оратор. На это приходится тратить известное время и, следовательно, замедлять письмо. И вот тот, кто лучше умеет осваиваться с манерой речи различных ораторов, кто легче расшифровывает невнятно произнесенную фразу, тот быстрее ее запишет.

Подчас стенографу приходится проявлять большое самообладание, когда увлекшийся оратор в пылу горячих прений возбужденно зачастил по 130—150 слов в минуту. Существуют такие ораторы, скорость речи которых превышает возможную при современных системах скорость стенографической записи. В таком затруднительном случае стенографу нужно проявлять решительность, умение быстро принимать наилучшие решения. Речи ораторов со сверхстенографической скоростью стенографу приходится редактировать на лету, пропуская вводные слова, различные, не имеющие значения, вставки, которыми часто пересыпана речь. Такие ораторы могут попадаться каждому стенографу, и потому каждый стенограф должен запастись — самообладанием и умением мгновенно редактировать слышимое с тем, чтобы не искажая смысла и не пропуская ничего существенного, дать сжатую мысль, выраженную оратором более пространно.

Здесь без понимания предмета, о котором идет речь, не обойтись. А так как заседания, съезды, конференции бывают самого разнообразного содержания, то стенограф должен быть всесторонне и широко образованным и находиться в курсе всех вопросов современности в области политики, экономики, искусства, литературы и т. д. Известно, что во многих парламентах Западной Европы к стенографам предъявляют требование обладать дипломом высшего учебного заведения. И у нас в Москве значителен процент парламентских стенографов с высшим образованием.

Есть еще одно условие, без которого стенограф может обойтись, но отсутствие которого вынужден будет наверстывать при хорошей памяти зубрежкой знаков. Речь идет о комбинирующем воображении.

Слов в каждом языке несколько сот тысяч. Многие из них очень длинные и выписывать их стенографически полностью невозможно. Для наиболее часто встречающихся слов вырабатываются особые сокращенные обозначения, но могут встречаться длинные слова, не имеющие таких обозначений, а записывать их надо мгновенно. Раздумывать не приходится. Записать посредством азбуки — довольно длинная история; приходится изобретать значки, изобретать на месте, мгновенно-быстро, не останавливаясь, и мчаться вместе с оратором дальше. Здесь стенографу приходится проявлять мастерство, роднящее его профессии с искусством. Стенограф-художник должен уметь творить в своей области, импровизировать свою стенограмму.

При расшифровке стенограммы приходится совершать особую работу, требующую специфических способностей. Здесь главную роль играет память на логическую связь мыслей, на слова. Но при большом промежутке времени между стенографированием и расшифровкой влияние памяти сглаживается и выступает на первый план способность, дающаяся хорошей постановкой обучения стенографии и заключающаяся в навыке читать свою стенограмму „с листа“, то-есть без затруднения.

Большое значение также имеет для стенографа умение критически относиться к своей работе, не переоценивать ее достоинств, стремление выполнить ее лучшим образом, не поленившись хорошенько поломать голову над неразборчиво написанным знаком, а не выпустить его из стенограммы вместе с фразой, в которой он встречается.

Помимо всех указанных психических качеств, стенограф должен обладать хорошо развитой кистью правой руки. Он должен иметь правильно поставленный почерк, уметь держать перо наилучшим для данной кисти руки образом, при верном для данного аппарата руки угле, который образует перо с плоскостью бумаги.

Таким образом, облик идеального стенографа представляется комбинацией высоко развитых душевных и телесных качеств. Если воспользоваться программой исследования личности, составленной покойным проф. А. Ф. Лазурским, то получим следующую картину.

А. В области психической:

1. Внимание (широта его, гибкость и сосредоточиваемость).
2. Ощущения и восприятия (острота, обилие и точность слуховых восприятий).
3. Память — 1) зрительно-двигательная, 2) на логическую связь мыслей, 3) на слова.
4. Мышление (сообразительность, находчивость).
5. Воображение (комбинирующее в области стенографии).
6. Речь (большой запас речевых представлений).
7. Общие особенности интеллекта — 1) преобладание ассоциаций над иннерцепциями, 2) обильный запас представлений, всесторонняя образованность, 3) быстрота умственных процессов и 4) способность самокритики.
8. Настроение и аффекты (в момент стенографирования важна уравновешенность психики в отношении аффектов, хорошее самочувствие и спокойное настроение).
9. Чувства к себе (безразличны).
10. Чувства к другим (безразличны).
11. Высшие идейные чувствования (безразличны).
12. Психическая активность. Воля (умение сосредоточивать все свои душевные силы, „самообладание“, настойчивость и усидчивость).
13. Общие особенности эмоциональной сферы (безразличны).
14. Движения — 1) быстрота и гибкость письменных движений, 2) тонкая координация сложных письменных движений.
15. Принятие решений (быстрота их).

Б. В области соматической (телесной): хорошо развитый аппарат правой руки.

Как мы видим, парламентская стенография, как профессия, предъявляет к человеку большие требования, и только тем, что полное сочетание этих качеств встречается редко, можно объяснить тот факт, что высококвалифицированных стенографов очень не много. Статистика дает убийственные цифры: из 100 изучающих стенографию только 1—2 делают парламентскими стенографами. В любой из стран Зап. Европы парламентских стенографов насчитывают только десятками, т.е. столько же, сколько в стране знаменитых художников, артистов, писателей.

Итак, не будет преувеличением сказать, что хороший парламентский стенограф должен быть одаренным человеком. Доказать же что-либо пригодность или непригодность к стенографической профессии может только психо-техника. Вполне правильным было бы поэтому подвергнуть психо-техническому исследованию всех начинающих изучать стенографию. Конечно, не следует отчаиваться в возможности стать стенографом тому, кого вышеприведенный перечень необходимых для этого качеств мог бы наугад и натолкнуть на мысль о невозможности вообще овладеть стенографическим искусством. Та или иная ступень его при средних психических качествах и при известной настойчивости доступна каждому. Это во-первых.

А, во-вторых, стенография, помимо парламентского, имеет широчайшее применение так называемое корреспондентское, требующее скорости в 80—90 слов в минуту. Достижение этой скорости является делом сравнительно легким, а в перспективе развития промышленности и расцвета культурно-экономической жизни нашей страны и все увеличивающегося спроса на труд этой категории стенографов для них открывается широкое поле применения своей профессии.

Значит, отчаиваться нечего!

Март, 1923 г.

А. Юрновский.

Физиографический метод письма.

Каллистенография.

(Скоропись)

ЧАСТЬ I.

Отдел графический.

Глава I.

Такое несколько длинное название отчасти уже говорит о том, что мы должны коснуться начал каллиграфии и выяснить, насколько это искусство служит основой скорописи и в какой органической связи оно должно с ней находиться.

Следует, однако, заранее оговориться, что мы разумеем под каллиграфией. Обычно под этим понимают художественное красивое письмо во всех его видах (шрифтах), и, таким образом, сюда входят как основной, курсивный шрифт, так и все от него производные, например, столь излюбленные рондо, готик, батар и др. вплоть до чертежно-технического письма. Сюда же включаются нередко и все украшения, как, например, виньетки, заставки и проч., носящие иногда характер художественного рисования. Мы же условимся

понимать под каллиграфией только правильное письмо основного и самого трудного шрифта—английского курсивного. Мы сказали „самого трудного“ не без основания: в то время, как все шрифты (а их насчитывается свыше 300), какой бы характер своеобразной красоты они ни носили—всегда могут быть выведены из английского курсивного шрифта, последний является единственно кардинальным и основным для всех, так как имеет в своей основе самые простейшие первичные элементы. Он служит основой всякого шрифта, потому что вытекает из овала или эллипсиса, и строится на основании свойств этой фигуры, которая должна быть выдержана до конца в полной простоте и правильности линий, не допуская никаких последующих исправлений или подрисовок. И в то время, как один какой-нибудь неудачный штрих портит впечатление всей хорошей работы и почти не может быть исправлен в английском курсивном шрифте, во всех других шрифтах подобные дефекты легко исправимы.

Отсюда и относительная трудность его перед всякими другими шрифтами, которые могут быть исполняемы нередко даже рукой не каллиграфа, и отсюда же и большая распространенность производных шрифтов письма, с одной стороны, и сравнительная редкость английского курсивного шрифта, составляющего пробный камень искусства каллиграфа.

Где же лежит причина этой трудности? Ответ простой: требованию идеальной правильности, симметрии частей, плавности динамических оттенков—должна отвечать огромная техническая выправка руки, кисти и пальцев.

Какое же отношение может иметь каллиграфия, как правильное письмо, к скорописи (к стенографии)? Ответом на это послужит все дальнейшее изложение нашего метода, который мы назвали физиографическим. Пока заметим, что всякий, даже заурядный преподаватель чистописания по обычному графическому методу, в основу обучения письму совершенно справедливо ставит требования элементарного характера—правильное держание ручки, правильное ведение линий и правильное изображение букв и слов, без чего невозможно образование, так называемого „почерка“. „Почерк“—это тип письма, который свойственен данному лицу и который всегда носит личный, индивидуальный характер, и хотя он может сильно отличаться от основного английского курсивного шрифта (и тогда мы называем почерк дурным или неправильным), но может и приблизиться к нему при некотором старании, или, как говорят, „исправлении почерка“. Отсюда же получается то бесконечное разнообразие почерков, которые делятся по своим характерным особенностям на разные виды, например: писарской, конторский, скорописный, аристократический и т. д.

Вот этот-то характер индивидуальности почерка и должен быть исключен при изучении английского курсивного шрифта, главную трудность которого составляет то, что приходится отрешаться от личных навыков и привычек письма, и подчинить его симметрии и правильности линий и оттенков выражения. Такое каллиграфическое письмо по необходимости должно быть медленным (относительно), и представлять собою противоположность скорописи (стенографии). Однако, это не значит, что тут крайности не сходятся. Напротив, как увидим, основы каллиграфии связаны со скорописью не только механически, но и органически. Иначе и быть не может, потому что, как увидим далее, основанием того и другого служит один и тот же графический материал, и один и тот же орган производства—рука, мышцы, нервы, связки руки, кисти, пальцев и т. д. И мы смело говорим, что без каллиграфии, хотя бы и не в идеальной мере, не может быть скорописи, как и наоборот—правильная скоропись или стенография должна развивать каллиграфический почерк. Эта связь техники стенографии с каллиграфией была подмечена еще известными Паульсоном и Мессором, преподавателями стенографии по системе Штольце в 50-х годах, высказавшими априори правильную мысль, что успех

стенографии в полной мере будет достигнут только тогда, когда будет преобразовано на совершенно новых началах изучение каллиграфии.

Последующее наше изложение будет подтверждать эту мысль и устанавливать эту связь таким образом, что всякий изучающий стенографию невольно станет в положение изучающего и каллиграфию, но не старым „графическим путем“, а именно на новых преобразованных началах изучения каллиграфии.

Вот об этих началах нам и предстоит сказать подробно.

Глава II.

Всякое искусство имеет свою „материальную часть“, которая служит общей цели выражения творческого духа в определенных конкретных формах, придаваемых этой материальной части. Музыка имеет 7 тонов или звуков, из коих комбинируются безконечные музыкальные гармонические выражения, живопись имеет 7 тонов или цветов, комбинируя которые художник дает безконечные образы гармонических сочетаний. Письмо же вообще, будь то каллиграфическое или стенографическое, распадается только тремя основными элементами. Отсюда сравнительная трудность достижения виртуозной техники стенографа, по сравнению, например, со скрипачем. В самом деле, виртуоз скрипач (мы, конечно, не касаемся музыкальной стороны интеллекта) в смысле техники имеет пред собою 7 основных звуков, плюс четыре струны инструмента, плоскость касания смычка, достаточно широкую, и, наконец, орудие производства—смычек, имеющий плоскость касания, приблизительно в полдюйма. Иное дело стенограф-виртуоз: материальная часть его искусства исчерпывается только тремя основными элементами, которыми он может оперировать, плюс орудие производства, соответствующее смычку скрипача,—перо, кончик которого почти не имеет измерения, и, наконец, чистый лист бумаги, вместо струн.

Отсюда понятно, почему так трудно изучение письма вообще, как искусства, и стенографического в частности. Если же мы найдем, что все бесконечное море букв и характеров их выражения может быть сведено к одному, двум, и максимум трем основным элементам их построения, то уже этим на половину, по крайней мере, упростим сложность изучения письма и осветим ту органическую связь частей букв, которая будет указывать нам на их генетическое происхождение.

Является вопрос, существуют ли такие два—три простых элемента, из которых можно было бы вывести генетически происхождение всех знаков и букв письмен всех народов не только обыкновенного письма, но и стенографического.

Таковыми знаками являются: 1) первичная по происхождению, всем известная фигура—эллипсис, имеющий левое обращение; 2) тот-же знак правого обращения и 3) соединяющая их петлеобразная восьмерка.

Эти три знака могут быть без труда соединены в виде буквы „Ж“ или в виде буквы „Ф“.

Мы остановимся подробно на рассмотрении этих фигур, чтобы показать не только развивающее их значение для техники, но и выяснить их свойства, на основании которых возникает возможность делать те бесчисленные построения и комбинации, которыми располагает стенография.

(Продолжение следует).

С. Я. Рождественский.

Эволюция фонографии.

Если теоретически фонография является искусством живой стенографической записи воспринимаемых звуко-слов, то практически синхроничная (одновременная) запись живой речи невозможна, так как скорость воспроизведения на бумаге воспринимаемых слов отстает от скорости речи на 2—6 и более слов, вследствие чего ясность и чистота ударной гласной теряется. Кроме того, при глухой, неясной, быстрой речи оратора, стенограф обычно заносит ложные слуховые впечатления.

Анализ фонетической записи по слуховым системам Терне и Паткановой, слуховых впечатлений воспринятых примерно в 30—40% (по Сапонько) всех звуков живой речи, подтверждает высказанное положение: авторы указанных систем, сознавая трудность, я бы сказал—нереальность графического воспроизведения звуко-слов, индивидуализировали выпись ударной гласной:—то выписывая преимущественно гласные (Терне, напр., „акцион“), то согласные (Патканова, напр., „художке, стногрф“). Отсутствие границ для слуховых фантазий при искусственной фонографии вызывает трудность и даже невозможность дешифровки стенозаписи (Ершов). Успех на конкурсе в Государственную Думу значковой стенографии (Габельсбергер, Штольце) решил судьбу слуховых систем.

В виду этого видные деятели стенографии З. и А. Сапонько при создании своей слуховой системы открыто ввели условные сокращения, оставив место слуховым сокращениям для окончаний и сочетаний согласных (напр. ргв, мнл, зр и т. д.).

Переизданная в 1920 г. система Сапонько в разработке Остроумовой не внесла больших изменений в дело развития слуховой стенографии. Наоборот, в приводимых Остроумовой сокращениях стенографы-фонетики, (ударность гласной) заняли позицию стенографов, применяющих символику гласной. Это было вызвано как эволюцией высшей скорописи, так и современной терминологией живой речи. Последняя терминология (РСФСР, СССР, СССР, ГПУ, УГНС и т. д.) превзошла логическую, значково-корневую стенографическую запись, представляя собою искусственное словообразование с условной логической выписью. Стенографы, не улавливая в них ни ясного звука, ни стенографического смысла, в отличие от звучных и ясных новых словообразований (Совнарком, Наркомздрав, Коминтерн и т. д.), должны воспроизводить их полностью или специальными сокращениями.

Высказанное Ф. М. Мирчинком положение, что слуховой системы (добавлю от себя—в высшей стенозаписи) никакой не существует и существовать не может—существует только механический коррелят звука на валиках фонографа,—наилучшим образом подтверждается введением сокращений (количественно по Остроумовой) сложных сочетаний в современные слуховые системы.

Отсюда вывод, что существование фонетических систем, возникших самостоятельно (Терне, Патканова), вне связи с графической значковой стенографией, невозможно. Те же слуховые системы (Сапонько, разработка Терне), которые изменили свою структуру в направлении указанном Сапонько, будут практически удобны и выгодны в противовес мнимой графически-стройной фонографии и таким образом техническая разработка сокращений на законах произношения явится одним из оснований в создании методологии научной значковой стенографии.

Д-р А. Н. Ришар.

26-го марта 1923 г.

Приветствие журналу „Вопросы стенографии“.

Когда ко мне обратились тов. стенографистки с просьбой написать несколько слов для журнала „Вопросы Стенографии“, я прежде всего подумал о нас самих, ответственных рабочих, или, вернее, о себе самом, так как исходной точкой всяких обобщений прежде всего служит личный опыт. Для каждого из нас стенографистка или стенографист есть самый близкий и верный сотрудник, которому доверяются все наши мысли, который все наши мысли ловит налету. Этот сотрудник должен быть настолько верным и надежным, чтобы все секреты могли ему доверяться, он должен быть настолько молчаливым, чтобы не было риска, что он что-либо выболтает, он должен быть настолько политически развитым, чтобы схваченную налету мысль точно понять и зафиксировать без искажений. Как всякая серьезная литературная работа, точно также и серьезная политическая работа есть творческий акт; наш брат политический работник при этом как бы мыслит вслух, его мысль зарождается и тут же фиксируется и округляется, он забывает о том, что его окружает, он весь живет теми обобщениями или тем миром общих явлений, в которые он вносит в этот момент нечто новое. Стенографистка или стенографист, этот неизменный сотрудник, должен настолько приспособиться к его мышлению вслух, к его умственному творчеству, чтобы перестать для него существовать и в то же время зафиксировать его мышление. Если Юлий Цезарь мог одновременно диктовать 7-ми секретарям различные тексты, то обыкновенный человек принужден ограничиваться концентрацией всей своей умственной жизни на одном предмете и на одном ходе мысли, и если этот ход мысли прерван, всей его работе нанесен ущерб. Только благодаря стенографистке или стенографисту может сразу вылиться округленное политическое произведение, в котором мысль со всей полнотой и плавностью без запинки и без пробелов двигается вперед и округляет сюжет, исчерпывая его до конца. Я не могу вспомнить без ужаса своих переживаний в первые годы существования нашей Республики, когда приходилось работать со стенографистками весьма неудовлетворительного качества. Когда войдешь в свой сюжет, мысль достигнет полного напряжения и округлит его и исчерпает, и когда потом перед глазами появляется расшифрованный текст, представляющий из себя бессмысленный набор бессвязных слов, то не только оказываешься не в состоянии восстановить напрасно проделанную работу мысли, но даже чувствуешь себя настолько удрученным, что станешь неспособным проделать эту работу вторично. Эти времена прошли и я надеюсь, что журнал „Вопросы Стенографии“ будет способствовать тому, чтобы такие явления вообще перестали существовать.

Но я скажу более. Личный опыт есть лишь исходная точка наших обобщений, покоящихся на коллективном опыте. Насколько громадно значение хорошо поставленной стенографии в общественной и в научной жизни, может показать пример западных стран с образцовыми стенограммами заседаний парламентов и научных обществ. Но то, что необходимо парламентскому буржуазному государству, еще во много раз необходимее государству советскому. Буржуазное общество в общем живет личными интересами наживы и наслаждения и перепоручает защиту своих политических интересов и ведение своих коллективных общественных дел особому классу политиканов, которых

центральное место есть парламент. Публика зарабатывает деньги, наслаждается, предается развлечениям, а парламент живет в значительной степени своей обособленной жизнью, считая себя жизненным центром всего народа. Но и самый парламент сделался в переживаемый нами период в сущности лишь декорацией в то время, как действительное решение политических дел совершается за кулисами, в секретных переговорах между теми, в чьих руках господство над хозяйственной жизнью страны. Отчеты о парламентских заседаниях составляются со всей тщательностью и со всем совершенством, до которого может идти современная стенография. К сожалению, их почти никто не читает.

Совершенно иное представляет из себя советский строй. Он в нашей Республике лишь начинает зарождаться, находится еще в первой стадии своего развития. Советский строй по своей сущности означает участие всех трудящихся, т. е. всех граждан государства трудящихся, в работе управления. Он означает, что все управление распределяется между общественными органами от центра до периферии, что все эти органы играют живую роль в общественном процессе, что крупные принципиальные решения целого народа проходят через все его общественные органы и что каждый гражданин, т. е. каждый трудящийся, принимает активное участие через свой коллектив в жизни целого. Дебаты каждого общественного органа Советского Государства не являются пустой декорацией, как ораторствование буржуазного парламента, они являются живым процессом коллективного функционирования самостоятельного общества. Они представляют поэтому в буквальном смысле слова живой интерес. Они поэтому должны быть зафиксированы, их всякий должен иметь возможность прочитать. Стенография становится таким образом существенной и необходимой функцией общественной жизни Советского Государства. Ренан, великий художник исторического метода, привыкший и любивший воспринимать всякое явление в процессе его развития, говорил: „Я хотел бы, чтобы каждый камень мостовой имел свою историю“. В Советском Государстве, если не каждый камень мостовой, то каждая общественная ячейка, каждый коллектив, каждая производственная единица, каждый местный комитет каждого союза имеет свою историю, полную захватывающего интереса для участников и вносящую свою лепту в развитие общественного целого. Каждое заводское собрание, каждый сельский сход, каждое заседание какой-либо местной партийной ячейки или местного комитета какой-либо профессии, являются событием в истории развития данной общественной единицы, событием, которое должно быть зафиксировано и запечатлено. В Советском Государстве в конце концов государство сливается с обществом, растворяется в нем, все общество целиком живет самостоятельной общественной жизнью, а это означает, что техника зафиксирования тех дебатов, в форме которых протекает на всех ступенях общественная жизнь, является существенным моментом последней. И в виду того, насколько необходимо способствовать развитию искусства стенографии, которое в будущем удовлетворяло бы этим задачам, позволяю себе выразить надежду, что журнал „Вопросы Стенографии“ послужит могучим толчком к развитию этого искусства и важным носителем истории развития стенографии, которой, как я пытался выяснить, предстает в Советском Государстве роль необходимой общественной функции.

Георгий Чичерин.

ХРОНИКА.

Стенографическая секция

при Моск. Губ. Отд. Всепрофсоюза Совработников.

Профессиональное объединение стенографов в Москве ведет свое начало с мая 1917 г., когда по инициативе небольшой группы был организовано Московское профессиональное общество стенографов, объединившее около 100 человек. В связи с проведением затем новой профсоюзной политики и образованием больших производственных союзов в октябре 1919 г. Моск. профсоюз о-во стенографов вошло в качестве секции стенографов в Моск. губ. отд. всепрофсоюза совработников.

В главе стенографической секции стоит комитет из 5 лиц, избираемый общим собранием стенографов на 6 месяцев. В своей деятельности комитет руководствуется общим положением о местных комитетах союза совработников и является подотчетным Моск. губотделу. В качестве исполнительного органа, объединяющего всех стенографов г. Москвы, комитет имеет задачу, приспосабливая по различным советским и частным учреждениям, комитет имеет задачей, привлекая во внимание специфические условия и особенности стенографического труда, выработать положения в области охраны труда стенографов, проведения норм рабочего времени, оплаты труда и т. д. С другой стороны, комитет является тем центром, где сосредоточивается учет стенографов, имеющих в Москве, и где устанавливается их квалификация.

При комитете имеется испытательная комиссия, состоящая из авторитетных работников—практиков и педагогов, которая производит испытания на звание стенографа 1-й категории (парламентского), 2-й категории (стенографа-корреспондента со скоростью 75 слов в минуту) и 3-й категории (стенографа-корреспондента со скоростью 90 слов в минуту). Заключение о результатах испытания комиссия передает комитету, который выдает выдержавшим испытание соответствующие удостоверения.

В настоящее время стенографическая секция объединяет 217 стенографов—187 (86,2%) женщин и 30 (13,8%) мужчин. Если разбить членов секции на группу парламентских стенографов и группу непарламентских стенографов, куда относятся стенографы-корреспонденты, педагоги и теоретики, то в первую группу входит 49 стенографов, из них 46 (93,9%) женщин и 3 (6,1%) мужчин, а во вторую группу—непарламентских—входит 168 человек, из них 142 (84,5%) женщины и 26 (15,5%) мужчин; из них педагогов—34 (7 мужчин, 27 женщин), теоретиков—12 (10 мужчин, 2 женщины).

По стенографическим системам члены секции распределяются следующим образом:

	Из 49 парл. стенографа.	Из 168 непарламентских стенографов.	Из общего числа 217.
Габельсбергер	39 79,6%	106 63,1%	145 66,8%
Сапонько	4 8,2%	18 10,7%	22 10,1%
Терне	2 4,1%	15 8,9%	17 7,8%
Животовский	2 4,1%	12 7,1%	14 6,5%
Штольце	—	8 4,8%	8 3,6%
Лапекин	—	2 1,2%	2 0,9%
Мирчинк	—	1 0,6%	1 0,5%
Бурлаков	—	4 2,4%	4 1,8%
Дюплауэ (фр.)	1 2%	—	1 0,5%
Соколов Н. Н.	1 2%	—	1 0,5%
Питман	—	1 0,6%	1 0,5%
Разн. системы (теоретик)	—	1 0,6%	1 0,5%
	49 100%	168 100%	217 100%

Из прошлого.

Первая попытка организовать стенографическое общество в Москве была сделана в 1906 году. 11 декабря 1906 г. в д. Хлудовых, на Рождественке, состоялось учредительное собрание стенографов, на котором присутствовало 19 чел. Председателем был избран П. Р. Бурлаков, секретарем М. Н. Молькова. Были заслушаны доклады, в том числе И. Соловьева о необходимости организации общества стенографов, и немецкого стенографа * информировавшего на немецком языке собрание о стенографических обществах в Германии. Один из присутствовавших, Евстафьев, передавал эту речь по-русски. Среди присутствовавших находились почти все практики-стенографистки того времени: Полуева, Цингер, Волжанская и др. Избрали организационное бюро, которому поручили выработать проект устава и разослать. Больше никаких заседаний ввиду наступившей реакции не было и вопрос об организации общества стенографов в Москве заглох.

Научно-Стенографическая Комиссия.

Научно-Стенографическая Комиссия в Москве была организована в конце октября 1918 г. правлением Московского проф. о-ва стенографов. Целью ей ставилось: 1) анализ, критика и усовершенствование существующих и вновь появляющихся стенографических систем, 2) работа над проблемой создания унитарной стенографической системы, 3) содействие поднятию стенографического образования в России и 4) содействие правлению о-ва в его работе по разрешению выдвигаемых жизнью вопросов. С того момента, как Моск. профсоюз о-во стенографов вошло в качестве секции в профсоюз совработников, Н. С. К. работает при Комитете Стенсекции, по тем же заданиям.

Из работы Н. С. К. первого периода—до 22 года—можно отметить следующее. Прежде всего, в связи с ощущавшимся в то время острым недостатком стенографов в России, Н. С. К. уделяла в своей работе большое место вопросу поднятия стенографического образования в Москве и популяризации стенографии. Между прочим, был возбужден от имени Н. С. К. перед Советом школьных объединений вопрос о введении преподавания стенографии, как обязательного предмета, в школы 2-й ступени. Постановление Совета школьных объединений в желательном для Комиссии смысле состоялось, но в жизнь провести его не оказалось возможным за неимением достаточного кадра преподавателей стенографии. Далее Н. С. К. поставила на очередь вопрос об учреждении Центральных Государственных Образцовых Курсов Стенографии и разработала проект положения об этих курсах и подробные учебные планы и программы. В результате осенью 1921 г. был открыт в Москве Главпрофобразом Практический Институт Стенографии, правда, не просуществовавший долго по целому ряду неблагоприятных обстоятельств.

За тот же период Н. С. К. ознакомилась по рефератам авторов с двумя новыми русскими системами—т.т. Бурлакова П. Р. и Лапекина М. М. После подробного анализа обе эти системы были принципиально Комиссией одобрены и допущены к преподаванию на курсах в виде опыта, с тем, чтобы по истечении известного срока Н. С. К. могла ознакомиться с результатами преподавания этих систем. В работе этого периода принимали близкое участие: Н. М. Крулев, В. И. Кривош, С. А. Юдина, В. П. Остроумова, В. Н. Кюлевейн, Е. А. Алларт, А. Н. Рижар, Е. М. Иванов, П. Р. Бурлаков, С. Я. Рождественский, А. Ф. Фудель, М. М. Лапекин и др.

Особенно интенсивная работа Н. С. К. началась с октября 1922 г. Нужно отметить следующие доклады, заслушанные за последний период времени Н. С. К. и послужившие предметом весьма интересных и оживленных прений: А. М. Юрковского—„Основы стенографии“, Н. Соколова—„Стенография для всех“,—изложение принципов его новой оригинальной системы, одобренной Н. С. К. и допущенной к преподаванию, И. Протасова—„О стенографической жизни за границей“, С. Я. Рождественского—„О физиографическом методе письма“, П. Бурлакова—„Методы измерения скорости стенописма“ и А. Вермана—„Эклектическая переработка системы Габельсбергера“—реферат о новом русском учебнике стенографии по системе Габельсбергера. Кроме того, по предложению Комитета Стенсекции, Н. С. К. выработала проект Инструкции для производства испытания на звание стенографа преподавателя. Разрешалось и много других вопросов, выдвигаемых жизнью и практикой.

В работах последнего периода горячее участие принимают: С. Юдина (председатель комитета стенографической секции), А. Фудель (секретарь комитета), члены президиума Н. С. К.—Н. Соколов (автор системы), П. Бурлаков, (автор системы) и А. Юрковский (теоретик-педагог); теоретики—А. Рижар, Е. Иванов, С. Рождественский, М. Лапекин (автор системы, педагог); педагоги—С. Крейнс, А. Грессер, П. Ермолова, В. Остроумова, В. Кортиковская, А. Верман, В. Кривош (автор системы); стенографы-практики—Р. Ройз, А. Бондаренко, С. Гольдберг и др. 1)

Профобразование в Москве.

1-ая школа стенографии МОНО (б. В. Г. Нечаевой) существует с 1903 г. и является одной из старейших школ в России. В апреле 1920 г. школа была национализирована и по апрель 1922 г. была на госнабжении при бесплатном обучении; с мая 1922 г. школа переведена на хозрасчет. Со дня национализации по настоящий момент через школу прошло свыше 500 человек. Процент окончивших полный курс достигает 20—25%. Большинство окончивших работает в настоящее время в качестве стенографов на съездах, в наркоматах, трестах, банках и прочих учреждениях. Преподавание в школе ведется по системе Габельсбергера. Курс обучения теоретич. и практич. 8—12 мес. В школе состоит в настоящее время 160 слушателей при 5 преподавателях. Заведует школой А. К. Грессер. Практическими занятиями руководит Е. А. Алларт.

1) Заседания НК происходят по воскресеньям в 12 ч. дня, раз в две недели, в помещении курсов стенографии МОНО (Страстной бульвар, 4, кв. 84). Заседания открытые.

2-ая школа стенографии существует с 1908 г. В апреле 1920 г. школа была национализирована Главпрофбром и передана в ведение МОНО. По апрель 1922 г. школа была на госнабжении, обучение—бесплатное; с апреля 1922 г. школа переведена на хозрасчет, бесплатных учащихся—20%. За период с апреля 1920 г. по март 1923 г. через школу прошло 350 чел. учащихся. В настоящее время учащихся в школе 130 чел. при трех преподавателях. Школой заведует С. А. Крейнс, руководителем практических занятий—Е. А. Алларт. Преподавание ведется по системе Габельсбергера. Продолжительность курса теорет. и практич. 8—12 мес. По окончании полного курса учащиеся подвергаются испытанию и получают свидетельства об окончании курса с указанием успехов и быстроты письма. Большинство окончивших школу работает в качестве стенографисток в крупных советских и обществ. учреждениях и на с'ездах.

Школа стенографии при Американском Бюро и заочных курсах, находящихся в ведении Наркомпроса, существуют с осени 1922 года. Регулярные занятия начались с января 1923 г. В настоящее время учащихся около 100 человек при трех преподавателях—по системе Габельсбергера—Юрковский А. М. и Протасов И. Ф., по системе Терье-Лихарева. Курс краткосрочный—3 месяца, хотя и усиленный, так что за это время учащиеся могут изучить теорию и получить некоторую основную скорость письма. По окончании курса учащиеся подвергаются испытанию и получают свидетельство с указанием быстроты письма. Первый выпуск был произведен в конце апреля.

О государственных курсах стенографии при Главпрофобре, и других стенографических школах сведения будут даны в следующем номере.

За рубежом.

Стенографические с'езды.

— 10—16 августа 1920 г. в г. Страсбурге состоялся XII международный стенографический конгресс. Представлены были следующие государства: Франция, Англия, Америка, Италия, Бельгия, Дания, Испания, Швейцария, Швеция и Чехо-Словакия.

— Ближайший международный с'езд состоится в Лозанне летом 1923 года. К этому с'езду постановлено подготовить материалы о постановке дела обучения стенографии в разных странах.

— 7—9 октября 1920 года состоялся XI германский с'езд стенографов габельсбергерианцев.

— Летом 1921 года состоялся испанский стенографический с'езд в Барселоне, созданный журналом „Тагниграфия“ и Стенографической Академией.

Ко всем стенографам.

Редакция журнала „Вопросы Стенографии“, с целью учета стенографических сил в России, обращается ко всем работающим в провинции в области стенографии (теоретикам, практикам, педагогам и учащимся) с просьбой заполнить помещаемую ниже анкету и прислать ее по адресу редакции: Москва, Театральная площ., 2/7, Могуботдел Всепрофсоюза Совработников. Стенографическая секция.

Анкета.

1. Адрес:
2. Фамилия, имя и отчество:
3. Практик, теоретик, преподаватель или учащийся:
4. По какой системе:
5. Стаж:
6. При каком учреждении работает:
7. Имеется ли профессиональное объединение стенографов в В/городе и сколько в нем членов:
8. Условия оплаты труда (разряд, почасовая оплата):
9. Сколько стенографов в В/городе:

Подпись:

Дата:

Ответственный редактор А. М. Юрковский.

Издатель: Комитет Стенсенции.

Извещение.

Комитетом Стенсекции организуется для членов секции и слушателей Стеншкол **клиническое изучение физиологических и патологических процессов, связанных со стенографическим трудом и врачебная помощь на дому у консультантов-профессоров:**

по внутренним (сердечным) болезн. проф. Д. Д. Плетнев. (2-51-39);
 „ ушным—горл.—носовым „ „ Е. Н. Малютин. (71-83);
 „ нервным „ „ И. А. Бродский. (1-01-17);
 „ глазами „ „ С. С. Головин. (59-83).
 „ женским „ „ Ю. В. Снегирев. (1-93-40).

Прием врачей:

по нервным болезням С. Д. Вознесенский.
 „ женским „ А. Н. Ришар. (1-21-79).

Об условиях оплаты справляться непосредственно по телефону или через доктора Ришар.

Комитет Стенсенции.

ОБЪЯВЛЕНИЕ.

НАУЧНО-СТЕНОГРАФИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

„ВОПРОСЫ СТЕНОГРАФИИ“

Орган Комитета Стенографической Секции при Могуботделе Всепрофсоюза Совработников.

Выходит 1 раз в три месяца.

Подписка принимается в помещении редакции Театральная пл. 2/7, 3-й этаж, от 10 час. у. до 4 час. д. Стенографическая Секция) тел. № 1-96-56. Там же принимаются рукописи для журнала.

Цена № 1—75 коп. золотом.

Пересылка за счет подписчиков.

АМЕРИКАНСКОЕ БЮРО

(в ведении Главпрофб. НКП).

Обучение **МАШИНОПИСИ** русской и иностранной на новых машинах всех систем по американскому **СЛЕПОМУ** десятипальцевому методу.

УСКОРЕННЫЕ КУРСЫ СТЕНОГРАФИИ:

(русск., англ., немец. и франц.) 3-мес. курс. Гарантия практ. годн. учаш. по оконч. курс.

ПЕРЕПИСКА на пиш. маш. на всех яз. —(Срочн. выполн.)—(Конкур. цены. ВНИМАНИЮ ТЕАТР. и ИЗДАТЕЛЬСТВ! Прием работ на Ротаторе.

Срочное исполн. на спец. высш. качест. загр. бум. с брош. изд. по тип. образ.

Ремонтная мастерская пишущих машин.

Арбат, Старо-Конюшен. пер., 39/12. Телефон 2-12-20.